

«Маленький Могадишо» в Стокгольме, или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски

© Горохов С.А.^{a,b}, Дмитриев Р.В.^{a,c}, Агафшин М.М.^{a,d}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com

Резюме. В статье анализируются причины пространственной сегрегации мигрантов из Африки в Швеции. Проблема сегрегации наиболее ярко проявляется в Ринкебю – районе шведской столицы, население которого более чем наполовину представлено мигрантами из Африки (в первую очередь из Сомали).

Сегрегация сомалийцев в Ринкебю вызвана комплексом причин, среди которых – унаследованные сложности жилищной системы страны, проводимая на протяжении десятилетий политика мультикультурализма в шведском обществе, социокультурные особенности самих сомалийцев – клановая структура их диаспоры. Сочетание мультикультурной модели интеграции, предусматривавшей сохранение и развитие в Швеции культурных традиций иммигрантских общин, с принципами государства благосостояния фактически привело к добровольной сегрегации сомалийцев.

В настоящее время Ринкебю, часто именуемый «маленьким Могадишо», имеет сомнительную славу одного из наиболее опасных мест для проживания в стране вследствие маргинализации и криминализации мигрантского населения. Власти Швеции стремятся реализовать программы, направленные на улучшение социально-экономических показателей таких районов, как Ринкебю, посредством ликвидации механизмов сегрегации как таковых.

Ключевые слова: Швеция, Стокгольм, Ринкебю, сомалийцы, африканцы, уязвимый район, сегрегация

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123. <https://rscf.ru/project/22-18-00123>

Для цитирования: Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафшин М.М. «Маленький Могадишо» в Стокгольме, или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 57–65. DOI:

“Little Mogadishu” in Stockholm, or “Apartheid with a Friendly Face” in Sweden

© Stanislav A. Gorokhov^{a,b}, Ruslan V. Dmitriev^{a,c}, Maksim M. Agafoshin^{a,d}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com

Abstract. The article analyzes the causes of spatial segregation of migrants from Africa in Sweden. The problem of segregation is most pervasive in Rinkeby – a district of the Swedish capital, whose population is more than half represented by migrants from Africa, primarily from Somalia.

The segregation of Somalis in Rinkeby is caused by a complex of reasons: the inherited difficulties of the country's housing system, the policy of multiculturalism in Swedish society carried out for decades, the socio-cultural characteristics of the Somalis themselves – the clan structure of their diaspora. The combination of a multicultural model of integration, which provides for the preservation and development of the cultural traditions of immigrant communities in Sweden, with the principles of the welfare state has actually led to the voluntary segregation of Somalis.

Rinkeby is often referred to as “Little Mogadishu” and has acquired a dubious reputation as one of the most dangerous places to live in the country, which is caused by the marginalization and criminalization of the migrant population. The Swedish authorities are striving to implement programs aimed at improving the socio-economic indicators of districts such as Rinkeby through the elimination of the very mechanisms of segregation.

Keywords: Sweden, Stockholm, Rinkeby, Somalis, Africans, vulnerable area, segregation

Acknowledgement. The research has been supported by the Russian Science Foundation № 22-18-00123.
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00123>

For citation: Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. "Little Mogadishu" in Stockholm, or "Apartheid with a Friendly Face" in Sweden. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 57–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030456-3

ВВЕДЕНИЕ

Швеция на протяжении большей части своей истории представляла собой моноэтничную, малопривлекательную для иммигрантов страну, население которой в поисках лучшей доли часто само предпочитало отправляться за рубеж. Миграционная ситуация в стране стала меняться только после окончания Второй мировой войны, в эпоху бурного экономического роста [1].

Благоприятная экономическая конъюнктура позволила правительству страны приступить к социальным реформам, поэтому именно в это время Социал-демократическая партия Швеции, исходя из своей концепции «дома для народа» (швед. *Folkhemmet*), приступает к строительству государства благосостояния [2] (обеспечение населения комплексом социальных услуг: жильем, работой (правительство поставило задачу добиться полной занятости населения), пенсией по старости, образованием, медицинским обслуживанием и т.д.) (подробнее см. [2]).

Промышленные предприятия страны, испытывавшие нехватку рабочих рук, начали активно нанимать рабочую силу из-за рубежа. В свою очередь, трудовых мигрантов привлекали высокий уровень жизни в Швеции и патерналистская социальная политика государства. Если в 1950 г. в Швеции проживало менее 200 тыс. мигрантов (2,8% населения), то уже к 1970 г. их численность возросла до 538 тыс. (6,7% населения), из них около 60% составляли граждане соседних государств Северной Европы (главным образом – выходцы из Финляндии), еще более 25% иммигрантов были уроженцами других европейских стран, и лишь менее 15% приходилось на остальные регионы мира¹.

Рост промышленности привел к оттоку населения из сельской местности и сосредоточению хозяйственной жизни Швеции в городах, где концентрировалось и большинство прибывавших в страну мигрантов. Это привело к дефициту жилого фонда и **перегруженности центральных районов столицы, в т.ч. из-за мигрантов**, и других крупных городов. Поэтому в 1950–1960-е гг. правительство, согласно концепции «дома для народа», приступило к решению задачи по обеспечению каждой шведской семьи собственным жильем. В стране было реализовано несколько градостроительных проектов, в т.ч. создание городов-спутников (*ABC-города*²), а также «Миллионной программы» (шв. *miljonprogrammet*), по которой в 1965–1974 гг. было построено несколько более 1 млн новых квартир³, более 180 тыс. из них – в Стокгольме⁴. Возникли новые пригородные районы Стокгольма, а также других крупных городов страны: Мальмё, Гётеборга и др. [3; 4; 5].

Однако экономический бум в Швеции с конца 1960-х гг. сменился спадом, в стране начался рост безработицы. В 1972 г. доля безработных достигла рекордного для послевоенной истории страны уровня – 3,5% всех занятых, или 136 тыс. человек. Следствием мирового энергетического кризиса 1970-х гг. стало падение промышленного производства, приведшее к общему сокращению занятости в промышленности. В начале 1990-х гг. Швеция пережила еще один макроэкономический шок: ВВП с 1990 по 1993 г. снизился на 6%, а безработица выросла до 8% экономически активного населения, в то время как общая занятость во всех отраслях хозяйства сократилась на 13% [6].

Иностранных рабочих в стране стали постепенно сменять беженцы: этот процесс начался с 1970-х гг. и в дальнейшем только нарастал. Вскоре в страну устремились многочисленные родственники беженцев. В дальнейшем страна пережила несколько миграционных волн, мощнейшая из которых достигла шведских границ в годы Европейского миграционного кризиса в 2015–2017 гг. [7]. В результате Шве-

¹ Folkmängd efter födelseland 1900–2022. Statistiska centralbyrån (SCB). <https://www.scb.se> (accessed 19.08.2023)

² ABC-город – аббревиатура от шв. Arbete-Bostad-Centrum-städer (город «Центр труда и жилья») (нпум. авт.).

³ Under miljonprogrammet byggdes en miljon bostäder. <https://www.boverket.se/sv/samhallsplanering/stadsutveckling/miljonprogrammet> (accessed 26.10.2023)

⁴ Miljonprogrammet. Stockholm Stad. <https://stockholmskallan.stockholm.se/teman/staden-vaxer/miljonprogrammet/> (accessed 26.10.2023)

ция превратилась в страну иммигрантов: в 2022 г. 865 тыс. её жителей были гражданами других стран, а 2,8 млн (более 25% населения) имели иностранное происхождение⁵.

Рост популярности новых видов жилья, таких как частные дома и таунхаусы, вызвал отток из пригородов коренного населения. В результате шведские пригороды, построенные в 1960-е гг. по «Миллионной программе», постепенно пустеют, их среда деградирует, а стоимость аренды квартир снижается – они становятся доступными для мигрантов и безработных [8]. Таким образом на месте рабочих пригородов формируются сегрегированные городские районы, заселенные мигрантами и их потомками.

Самый яркий пример такого сегрегированного городского квартала – столичный Ринкебю.

РИНКЕБЮ – СОМАЛИЙСКИЙ РАЙОН ШВЕЦИИ

Ринкебю – один из самых удаленных от центра районов столицы; его площадь – 1,31 км², население – 17,2 тыс. человек, 92% жителей имеют иностранное происхождение, что более чем в 2,5 раза выше среднего показателя по Стокгольму. При этом 47% (8,1 тыс.) обитателей района составляют уроженцы стран Африки, прежде всего Сомали, а также их потомки⁶.

Район был построен по «Миллионной программе» в 1969–1971 гг. на территории, использовавшейся шведской армией в качестве полигона для военных учений. Ринкебю стал типичным спальным районом столицы, фактически весь (более 99%) жилищный фонд которого – это многоквартирные дома со сдаваемыми в аренду квартирами. С центром Стокгольма район связывает линия метрополитена, открытая в 1975 г., а также несколько автобусных маршрутов. В Ринкебю не было промышленных предприятий и офисных центров, власти района могли предложить своим жителям ограниченное число рабочих мест, прежде всего, в сфере торговли, а также начального и среднего образования. Предполагалось, что население должно ездить на работу в центр города или соседние районы, используя для этого метрополитен.

Трансформация экономики Швеции после экономических кризисов середины 1970-х и первой половины 1990-х гг., изменение миграционной политики страны преобразовали этнокультурное и социальное пространство Ринкебю. Первоначально подавляющее большинство его населения составляли шведские рабочие и трудовые мигранты из стран Северной Европы, которые вследствие сокращения занятости в промышленности и непривлекательности типового многоквартирного жилья стали постепенно покидать район. После отъезда из района рабочих, занятых на промышленных предприятиях, их место стали активно занимать мигранты и беженцы, которых привлекала невысокая стоимость аренды местной муниципальной недвижимости.

В истории Швеции можно проследить несколько миграционных волн, каждая из которых оставила свой след. Первыми еще в начале 1970-х гг. в район стали приезжать греки и чилийцы, спасавшиеся от режима «черных полковников» и преследований генерала А.Пиночета; за ними в 1980-е гг. последовали граждане Ирана и Ирака, бежавшие от военных действий между этими странами. В 1990–2000-е на стала очередь беженцев из бывшей Югославии (прежде всего из Боснии и Герцеговины), стран Африканского Рога, а также афганцев, выходцев из Турции (в основном курдов) и уроженцев Сирии и Ирака, искавших спасения от бедствий гражданской войны.

При этом миграционный поток беженцев из Сомали на протяжении многих десятилетий стабильно оставался наиболее масштабным. Сомалийцы начали прибывать в Швецию с начала 1990-х гг.; триггером их исхода стала гражданская война, разразившаяся на их родине в последнее десятилетие XX в. В 1990 г. в Швеции проживало чуть больше 400 сомалийцев, в т.ч. более 40 из них жили в Ринкебю [9]. В дальнейшем ситуация в терзаемой войной и стихийными бедствиями Сомали только ухудшалась. К 2022 г. в Швеции численность лиц, родившихся в Сомали (без учета их потомков), возросла до 69,5 тыс., из которых 8,5 тыс. проживали в Стокгольме⁷.

Шведская статистика, отражающая этническую принадлежность населения страны, крайне скудна. На уровне городских районов трудно установить точную численность сомалийцев (как и выходцев из других стран) за весь период их миграции в Стокгольм; открытые данные есть только по численности

⁵ Befolkningsstatistik. SCB. <https://www.statistikdatabasen.scb.se/> (accessed 26.10.2023)

⁶ Områdesfakta Rinkeby. <https://start.stockholm/globalassets/start/om-stockholms-stad/utredningar-statistik-och-fakta/statistik/omradesfakta/vasterort/rinkeby-kista/rinkeby.pdf> (accessed 20.12.2023)

⁷ Befolkningsstatistik. SCB. <https://www.statistikdatabasen.scb.se/> (accessed 26.10.2023)

населения, прибывшего из Сомали за период 2008–2015 гг. Начиная с 2018 г. шведские власти с целью исключить обвинения в расизме в свой адрес публикуют сведения лишь о населении иностранного происхождения по регионам мира, под которым они подразумевают родившихся за границей или тех, чьи родители имеют иностранное происхождение.

Тем не менее имеющиеся неполные статистические данные (см. табл.) свидетельствуют о росте численности сомалийцев и увеличении их «веса» в населении района. Хотя в результате череды миграционных волн в Ринкебю сложилось полиэтническое сообщество, именно сомалийский компонент стал своеобразным маркером района, определившим его второе, неофициальное наименование – «маленький Могадишо». Росту численности сомалийцев способствует также высокая рождаемость и возрастной состав диаспоры, половину которой составляют люди в возрасте от 15 до 34 лет.

Таблица. Динамика численности и доли населения иностранного происхождения, проживавшего в Ринкебю (2008–2022 гг.)

Table. Dynamics of the number and share of the population of foreign origin lived in Rinkeby (2008–2022)

Показатель	2008	2012	2015	2018	2022
Численность населения района, родившегося в Сомали, чел.	1832	2181	2546	...	...
Численность населения района, родившегося в странах Африки, чел.	2927	3502	3968	4298	4999
Доля населения, родившегося в странах Африки, %	19,4	21,9	25,0	26,2	29,1
Численность населения района, родившегося за границей, чел.	9256	9510	9632	10056	10 795
Доля населения, родившегося за границей, %	61,4	59,6	60,8	61,3	62,8
Численность населения района иностранного происхождения (в т.ч. из стран Африки), чел.	13 440	14 456	14 410	14 972 (7112)	15 829 (8106)
Доля населения района иностранного происхождения (в т.ч. из стран Африки), %	89,1	90,5	90,9	91,3 (43,3)	92,1 (47,2)
Общая численность населения района, чел.	15 084	15 968	15 844	16 406	17185

Рассчитано авторами по ^{8,9,10,11,12}.

Согласно данным шведской полиции за 2019 г., в Ринкебю проживало более 4,7 тыс. жителей сомалийского происхождения¹³. Однако, как представляется, их всё же больше, чем об этом говорит официальная статистика, поскольку она не учитывает третье поколение сомалийцев, чьи родители родились уже в Швеции, а также детей от смешанных браков, которые часто выбирают именно сомалийскую идентичность.

Особую роль сомалийского компонента в населении района определило использование в повседневной практике языкового общения жителями т.н. «ринкебюшведского языка» (*rinkebysvenska*), представляющего собой диалект шведского, в котором отмечаются значительные заимствования из сомалийского и арабского языков [10].

Уязвимые районы: сегрегация или мультикультурализм?

Для сомалийцев в Стокгольме характерен очень высокий уровень сегрегации: в районах столицы с доминированием мигрантского населения, имеющих дурную славу гетто, проживают 78,6% местных сомалийцев, в т.ч. в Ринкебю – почти 60%¹⁴.

⁸ Rinkeby-Kista 2010. Stockholm Stad. 16 p.

⁹ Rinkeby-Kista 2014. Stockholm Stad. 16 p.

¹⁰ Rinkeby-Kista 2016. Stockholm Stad. 16 p.

¹¹ Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2018 Stockholm Stad. 4 p.

¹² Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2022 Stockholm Stad. 4 p.

¹³ Fakta för förändring: demografi och boende. Stockholm: Stiftelsen The Global Village, 2019. 84 p.

¹⁴ Ibidem.

Как было показано выше, первоначальной причиной сегрегации сомалийских беженцев в Швеции были особенности жилищной системы страны, сложившейся еще в 1960-е гг. Однако важную роль сыграли и их культурные особенности, затруднявшие интеграцию в принимающее общество. Безусловно, мусульманам, которыми в своем подавляющем большинстве являются сомалийцы, не просто приспособиться к жизни в шведском секулярном обществе, однако не религия стала главной причиной, тормозившей их адаптацию. Основным фактором стала архаичная (наличие кланов) социальная структура сомалийского этноса. Клан в Швеции оставался чрезвычайно важной составляющей жизни каждого сомалийца, мало совместимой со шведской культурой, вокруг которой организованы многие аспекты жизни: культурные, экономические, политические, религиозные и т.д. [11].

Прибывавшие в Швецию сомалийцы почти сразу оказывались под контролем клановых лидеров; селились именно в тех районах страны, где уже проживали их соплеменники, занимались теми видами деятельности, которые одобряли их старейшины. Таким образом, клановая структура консервировала социальный уклад сомалийцев, а их размещение в сегрегированных городских районах компактными клановыми группами тормозило интеграцию в шведское общество, сводя контакты с коренным шведским населением к минимуму.

Однако немаловажным (если не ключевым) фактором возникновения феномена, который позднее получил в Швеции название «апартеида с дружелюбным лицом», стала политика мультикультурализма, возводившая культурную идентичность в своеобразный фетиш [12]. В 1975 г. в Швеции был принят «Закон о руководящих принципах политики в отношении иммигрантов и меньшинств»¹⁵, который положил начало внедрению политики мультикультурализма в шведском обществе.

С этого момента политика в отношении постоянно проживавших в королевстве иммигрантов была направлена на обеспечение равенства между ними и шведами, достижение которого рассматривалось правительством как необходимое условие интеграции переселенцев [13]. Шведская модель государства всеобщего благосостояния стала распространяться и на мигрантов, которым, как и шведам, стал доступен весь комплекс социальных услуг в стране. Однако в реальности политика предоставления мигрантам равных с коренным населением прав, несмотря на благие намерения её авторов, лишила мигрантов экономического стимула для интеграции в шведское общество, целиком переложив на шведов бремя финансовой ответственности за переселенцев. Объединение мультикультурной модели интеграции, предусматривающей всемерную поддержку государством сохранения и развития в Швеции культурных традиций иммигрантских общин, с принципами государства благосостояния фактически привело к добровольной сегрегации сомалийцев.

Мигрантам также была предоставлена возможность самим выбирать, в какой степени они хотят ассимилироваться в шведскую культуру или поддерживать и развивать свою первоначальную этническую самобытность, а созданные ими культурные и религиозные организации стали получать щедрые государственные субсидии на свою деятельность. В результате уроженцы Сомали, согласно шведскому законодательству, обучаются на своем родном языке и, как следствие, часто плохо владеют шведским языком.

Для сомалийцев характерен более низкий уровень образования по сравнению с коренным населением, а также другими иммигрантскими группами Швеции. Эта особенность типична и для Ринкебю: так, в 2022 г. лишь 24% жителей района в возрасте 25–64 лет имели высшее образование (по сравнению с 62% в среднем по Стокгольму), 31% – только начальное (в среднем по столице – 7%)¹⁶. Вместе с тем в районе активно действуют т.н. независимые религиозные школы, часто находящиеся под влиянием исламистов и фактически только противодействующие интеграции детей мигрантов в шведское общество [14].

Низкий уровень образования, характерный для представителей сомалийской диаспоры в Швеции, стал причиной того, что им трудно найти хорошо оплачиваемую официальную работу. Доля предпринимателей сомалийского происхождения составляет в Швеции менее 1%, хотя сомалийское происхождение имеют как минимум 3,5% населения страны. В 2012 г. лишь 23% сомалийцев в возрасте 20–64 лет были официально трудоустроены, причем доля легально работавших мужчин (28%) была значи-

¹⁵ Prop. 1975: 26. <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/proposition/regeringens-proposition-om-riktlinjer-for-fy0326/> (accessed 21.12.2023)

¹⁶ Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2022 Stockholm Stad. 4 p.

тельно выше, чем женщин (18%), что скорее характерно для структуры занятости в развивающихся, а не в развитых странах [15].

В 2022 г. каждый четвертый житель Ринкебю не имел постоянной работы, а в самом районе была зафиксирована самая высокая доля безработных, не получавших от государства никакой помощи – более 36%¹⁷. Существующие рабочие места относятся в большинстве своем к категории низкооплачиваемых, поэтому средний доход населения в районе составлял в год лишь 241 тыс. шведских крон (ок. \$23 тыс.), что почти в 2 раза ниже среднего показателя по Стокгольму – 471,8 тыс. Главная сфера занятости населения района – социальная, представленная медицинскими и образовательными учреждениями, однако большинство жителей, в т.ч. сомалийцы, заняты в теневых секторах экономики – от содержания небольших закусочных, торговых лавок и гостиниц до участия в наркоторговле.

Социальная незащищенность сомалийской общины столицы Швеции вылилась в настоящую трагедию во время пандемии *COVID-19*; избыточная смертность¹⁸ в её рядах составила 220% от среднего по стране. Больше всего от *COVID-19* пострадал именно Ринкебю, смертность в котором составляла 47 случаев на 10 тыс. жителей, что более чем в 3 раза выше, чем в среднем по Стокгольму [9].

Таким образом, сомалийцы, даже если они пытаются стать частью шведского общества, фактически попадают в замкнутый круг сегрегации: существуя на социальное пособие, что многих из них устраивает; они не могут получить жилье нигде, кроме Ринкебю или подобных ему мест. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка, трудности, которые испытывает большинство его населения при интеграции стали причиной роста влияния в районе преступных группировок. Сомалийцы в современной Швеции – одна из наиболее криминализованных этнических общин, а благодаря шведским СМИ этот район приобрел сомнительную славу одного из самых опасных мест для проживания в стране¹⁹.

В 2015 г. Национальный оперативный департамент полиции Швеции в своем отчете впервые выделил в стране уязвимые районы (*utsatt område*), для которых характерен высокий уровень преступности. Согласно определению полиции, под уязвимым районом понимается «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием криминальных группировок»²⁰.

По данным шведской полиции, в 2021 г. в стране насчитывался в общей сложности 61 уязвимый район (из них 25 – в Стокгольме), 19 из которых были отнесены к категории особо уязвимых (в Стокгольме – 6, в т.ч. и Ринкебю). Для особо уязвимых районов характерны максимально низкие показатели социально-экономического развития на фоне высокого уровня насилия, нарушения прав и свобод населения, экстремизма. Фактически эти территории находятся вне контроля со стороны государственных служб, а управление ими осуществляют параллельные властные структуры, образованные этническим криминалом из стран происхождения мигрантов [16].

В Стокгольме существуют 50 этнических преступных группировок²¹, занимающихся наркоторговлей, похищением людей, вымогательством, грабежами и торговлей оружием [17]. Большинство членов банд составляют молодые люди в возрасте до 16 лет, которых рекрутируют криминальные авторитеты в уязвимых районах столицы.

В Ринкебю наиболее активно действуют несколько криминальных группировок, в состав которых входит сомалийская молодежь – «Отряд Смерти», банда Шоттаза, «Скорпионы» и др. Хотя конфликт между бандами начался в 2015 г. с убийства, вызванного бытовой ссорой, основой для кровавого соперничества между ними служат старые клановые противоречия. Война между бандами, бойцы которых вооружены крупнокалиберным оружием, фактически разрывает район на части, вовлекая мальчиков-подростков в кровавую спираль клановой мести^{22,23}.

¹⁷ Statistik om Stockholm. Arbetslöshet i stadsdelområden 2022. <https://start.stockholm/globalassets/start/om-stockholms-stad/utredningar-statistik-och-fakta/statistik/arbetsloshet/rapport-arbetsloshet-2022.pdf> (accessed 12.12.2023)

¹⁸ Избыточная смертность – временное увеличение смертности в популяции по сравнению с ожидаемой (*npum. asm.*).

¹⁹ Den ottrygga förorten? En kvalitativ innehållsanalys av hur Rinkeby framställs i svensk media. https://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.428715.1551353390!/menu/standard/file/Hasni%20Zeineb.pdf (accessed 12.12.2023)

²⁰ Utsatta områden. Polisens arbete. <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden/> (accessed 15.12.2023)

²¹ Polisen: 50 kriminella gäng finns i Stockholmsregionen. <https://www.epochtimes.se/Polisen-50-kriminella-gang-finns-i-Stockholmsregionen> (accessed 15.12.2023)

²² Diamant Salihu skrev boken om gängkriget i Rinkeby. <https://www.hbl.fi/artikel/8d9a85fd-e8a8-486a-982f-995a0770b2d2> (accessed 15.12.2023)

²³ Poliser beskjutna i Rinkeby. <https://blog.zaramis.se/2022/03/26/poliser-beskjutna-i-rinkeby/> (accessed 15.12.2023)

Криминальные группы в Ринкебю часто сотрудничают с такими исламистскими террористическими организациями как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Ансар ас-Сунна» и особенно «Аш-Шабаб» [18], возникшей в 2006 г. в Сомали и поэтому наиболее популярной у выходцев из этой страны (подробнее см. [19]). Так, Фуад Мохамед Халаф, также известный как Шанголе, 12 лет живший в Швеции и работавший имамом в мечети Ринкебю, в 2014 г. вошел в руководство «Аш-Шабаб». Именно Шанголе в 2014 г. призвал всех мусульман Кении бороться против своего правительства с оружием в руках²⁴.

Социальная уязвимость и разгул криминала; общество, основанное на традиционной клановой идеологии, сделали Ринкебю ареной беспорядков. Именно здесь в июне 2010 г. произошли первые жестокие выступления мигрантской молодежи, когда на протяжении 2 ночей более сотни молодых людей и подростков громили местный участок полиции и школу, закидав их камнями и бутылками с зажигательной смесью²⁵. Наиболее масштабные беспорядки в районе произошли в феврале 2017 г.: тогда в ходе массовых беспорядков были сожжены 8 автомобилей, разгромлены магазины, избиты несколько человек. Полиция, пытавшаяся остановить разгул криминала, сама подверглась нападению хулиганов и была вынуждена ретироваться. В том же году было принято решение о строительстве нового, более надежного полицейского участка, однако его строительство затянулось до конца 2020 г. в связи с тем, что строительные компании не соглашались на эту работу, опасаясь нападения со стороны криминальных элементов. То, что этот полицейский участок в Ринкебю необходим, со всей очевидностью показали события апреля 2022 г., когда здесь снова вспыхнули массовые беспорядки после сожжения на его улицах Корана правым экстремистом из Дании Расмусом Палуданом²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тяжелая криминальная обстановка, обусловленная сегрегацией и экономической отсталостью, в Ринкебю и других уязвимых районах страны, вынуждает правительство Швеции искать пути решения проблем этих территорий. Прежде всего оно хочет пересмотреть политику «гуманитарной сверхдержавы», сократив масштабы потоков беженцев, прибывающих в страну, и уменьшив расходы на их содержание.

В 2016 г. в Швеции вступил в силу закон²⁷, согласно которому временный вид на жительство для беженцев ограничивается сроком не более 3 лет, а для других категорий мигрантов – 13 месяцев; также был введен ряд ограничений на воссоединение семей – лица, желающие переселиться в Швецию своих родных, должны иметь доход не ниже установленного минимума. Швеция также намерена сосредоточить больше внимания на возвращении на родину лиц, которым было отказано в убежище. Также правительство намерено отменить закон, позволяющий искателю убежища, приехавшему в Швецию, самостоятельно выбирать себе жилье, получая при этом финансовую помощь от государства.

Еще одним направлением стабилизации обстановки в уязвимых районах, по мнению шведских властей, должно стать усиление борьбы с организованными криминальными группами. Речь идет о планах внесения в Уголовный кодекс поправок об ужесточении наказаний за преступления, совершенные в составе преступных банд; предоставления полиции права на превентивное задержание подозреваемых в криминальной деятельности и разрешения частным лицам давать анонимные показания в суде²⁸. В борьбе с криминалом шведское государство стремится к сотрудничеству с жителями сегрегированных районов. Так, позитивные результаты в борьбе с криминальными бандами в Ринкебю принесло совместное патрулирование его улиц полицией и местными жителями – представителями сомалийской общины района²⁹.

²⁴ Före detta Stockholms-imam terrorhotar Kenya. <https://www.svt.se/nyheter/utrikes/fore-detta-rinkeby-imam-terrorhotar-kenya> (accessed 15.12.2023)

²⁵ Cars, schools torched in fifth night of Stockholm riots. <https://www.france24.com/en/20130524-cars-schools-torched-fifth-night-stockholm-riots-sweden> (accessed 15.12.2023)

²⁶ Швеция снова в огне. <https://inosmi.ru/20220421/shvetsiya-253893754.html> (accessed 22.11.2023)

²⁷ Lag (2016:752). <https://rkrattsbaser.gov.se/sfsr?bet=2016:752> (accessed 15.12.2023)

²⁸ Gängkriminaliteten. <https://moderaterna.net/tensta-rinkeby/politik/nationellt/gangkriminalitet> (accessed 10.12.2023)

²⁹ A Somali super mum in Sweden. <https://aljazeera.com/features/2018/9/9/a-somali-super-mum-in-sweden> (accessed 22.12.2023)

Однако в последнее время шведское правительство постепенно смещает акцент своей деятельности с борьбы с этнической сегрегацией и преступностью в уязвимых районах на социально-экономическое развитие последних. Свидетельством этих перемен стало то, что в официальных документах всё чаще для обозначения сегрегированных территорий стал использоваться термин «район с социально-экономическими проблемами» (*områden med socioekonomiska utmaningar*)³⁰.

Руководство Швеции понимает, что вряд ли сможет изменить уже сложившийся этноконфессиональный состав населения этих территорий, однако у него есть возможности наладить диалог с местным сообществом, способствуя повышению качества жизни и уровня безопасности его членов.

В 2018 г. правительством страны был разработана «Долгосрочная программа реформ по снижению сегрегации на 2017–2025 гг.», в которой констатировалось усиление сегрегации между различными районами одного и того же муниципалитета в сферах безопасности жизни, безработицы, успеваемости детей в школе, обеспечения жильем и др. Целью программы стало улучшение социально-экономических показателей уязвимых районов посредством структурной работы по ликвидации самих механизмов сегрегации, прежде всего в сферах жилья, образования, рынка труда и борьбы с преступностью³¹.

Безусловно, пока еще рано говорить об успехах новой стратегии правительства Швеции в отношении уязвимых районов. Тем не менее остается открытым вопрос, сможет ли Ринкебю – «маленький Могадишо», расположенный в столице Швеции, – пересилить инерцию «апартеида с дружелюбным лицом», стать для страны примером успешной интеграции мигрантов. Ведь гетто, пусть и созданное с благими намерениями, всё равно остается гетто.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 400 с. Melin Ya., Johansson A.V., Hedenborg S. 2002. The history of Sweden. Moscow. 400 p. (In Russ.)
2. Церкаевич Л.В. Мифы и реальность шведского «дома для народа». *Современная Европа*. 2019. № 2, с. 163–174. DOI: 10.15211/soveurope22019163174
Tserkasevich L. 2019. Myths and Reality of the Swedish "People's Home". *Contemporary Europe*. Iss. 2, pp. 163–174. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope22019163174
3. Горохов С.А., Агафосин М.М., Дмитриев Р.В. Уязвимые районы как форма территориальной эксклюзии мигрантских сообществ в Швеции: пример Гётеборга. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2022. Т. 8. № 3, с. 92–101.
Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. 2022. Vulnerable areas as a form of territorial exclusion of migrant communities in Sweden: the case of Gothenburg. *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. Vol. 8. Iss. 3, pp. 92–101. (In Russ.)
4. Ducas S. 2001. Case Study of the City of Stockholm and the Greater Stockholm Area (Summary). Quebec: University of Quebec, 67 p.
5. Hedman E. 2008. A history of the Swedish system of non-profit municipal housing. Stockholm: Boverket, 31 p.
6. Eliason M., Storrie D. 2006. Lasting or Latent Scars: Swedish Evidence on the Longterm Effects of Job Displacement. *Journal of Labor Economics*. Vol. 24. № 4, pp. 831–856. DOI: 10.1086/506487
7. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2022. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis. *Baltic Region*. Vol. 14. № 4, pp. 98–112. DOI:10.5922/2079-8555-2022-4-6
8. Malmberg B., Andersson E.K., Nielsen M.M., Haandrikman K. 2018. Residential Segregation of European and Non-European Migrants in Sweden: 1990-2012. *Eur. J. Population*. Vol. 34, pp. 169–193. DOI: 10.1007/s10680-018-9478-0
9. Valdez S. 2023. Immigrant Integration and Vaccine Hesitancy among Somali Immigrants in Stockholm. In: *Lerpold L., Sjöberg Ö., Wennberg K. (eds). Migration and Integration in a Post-Pandemic World*. Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 365–383. DOI: 10.1007/978-3-031-19153-4_14
10. Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование. Отв. ред. М.Ю.Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 536 с. DOI: 10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536
Language as a resource of identity in Europe: an anthropological study. 2022. M.Y.Martynova (eds). Moscow. 536 p. (In Russ.). DOI: 10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536

³⁰ Kommittédirektiv 2022:116. https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/kommittedirektiv/battre-verktyg-for-att-minska-och-motverka_HAB1116/ (accessed 22.12.2023)

³¹ Långsiktigt reformprogram för minskad segregation år 2017-2025. <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/departements-serien-och-promemorior/2016/07/langsiktigt-reformprogram-for-minskad-segregation-ar-2017-2025/> (accessed 22.12.2023)

11. Lewis I. 1999. Pastoral Democracy: A Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. Oxford: James Currey.
12. Eriksen T.H. 2009. From Obsessive Egalitarianism to Pluralist Universalism? A Normative Epilogue. In: Alghasi S., Eriksen T.H., Ghorashi H. (eds). Paradoxes of cultural recognition. Ashgate. Pp. 283–294.
13. Borevi K. 2013. Understanding Swedish multiculturalism. In: P.Kivisto, Ö.Wahlbeck (eds.). Debating multiculturalism in the Nordic welfare states. London: Palgrave Macmillan, Pp. 140–169.
14. Avci G. 2019. Liberal integrationspolitik. Stärk individen – motverka parallellsamhällen. <https://data.riksdagen.se/fil/575BDE5E-4DF0-4F77-A6BC-664AE949D94C> (accessed 22.12.2023)
15. Carlson B., Magnusson K., Rönnqvist S. 2012. Somalier på arbetsmarknaden – har Sverige något att lära? 188 p. <https://www.regeringen.se/contentassets/55f58b2bc8fd4f66842e37f54c38fc51/somalier-pa-arbetsmarknaden---har-sverige-nagot-att-lara> (accessed 22.12.2023)
16. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение. *Современная Европа*. 2020. № 7, с. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161
Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2020. Somalis in Sweden: Regional Dimension. *Contemporary Europe*. Iss. 7, pp. 132–143. Moscow, (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope72020150161
17. Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2(33), с. 127–136.
Abramova I.O. 2015. African Trans-Border Migration and Problems of International Security. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2(33), pp. 127–136. Moscow. (In Russ.)
18. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма». Европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 2–11.
Fituni L.L., Abramova I.O. 2015. Non-state and quasi-state actors of the Greater Middle East and the problem of “Eurojihadism”: European face of an extremist threat. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 2–11. (In Russ.)
19. Пономарев И.В. Сети «Аш-Шабаб» в Восточной Африке. Успешное противодействие и дезинформация. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. DOI:10.31857/S032150750000689-9
Ponomarev I.V. 2018. Al-Shabaab cells in East Africa. Successful deterrence & disinformation. *Asia and Africa today*. № 9. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750000689-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горохов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Stanislav A. Gorokhov, Dr.Sc. (Geography), Professor, Leading Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ruslan V. Dmitriev, Dr.Sc. (Geography), Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Агафшин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Maksim M. Agafoshin, PhD (Geography), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2024